

Кнорре Елена Юрьевна

**СЮЖЕТ «ПУТИ В НЕВИДИМЫЙ ГРАД»
В ТВОРЧЕСТВЕ М.М. ПРИШВИНА
1900–1930-х гг.**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва

2019

Работа выполнена в Отделе новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт мировой литературы имени А.М.Горького Российской Академии наук

Научный руководитель

д.ф.н. Гачева Анастасия Георгиевна, ФГБУН «Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской Академии наук»

Официальные оппоненты

Первый оппонент – д.ф.н. Дворцова Наталья Петровна, профессор Института филологии и журналистики ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»;

Второй оппонент – д.ф.н. Урюпин Игорь Сергеевич, профессор Института филологии ФГБОУ ВО «Московский государственный педагогический университет»

Ведущая организация

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет»

Защита состоится «28» ноября 2019 г. в 15.00 на заседании Диссертационного совета Д 002.209.02 при ФГБУН «Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук» по адресу: 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25А, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте ФГБУН «Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской Академии наук»: www.imli.ru

Автореферат разослан «___» _____ 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

О.В. Быстрова

Общая характеристика работы

Диссертация посвящена историко-литературному исследованию эволюции сюжета «пути в Невидимый град» в творчестве М.М. Пришвина 1900–1930 гг.

Актуальность избранной темы определяется возрастанием интереса к эсхатологической и хилиастической проблематике и образности русской литературы 1900–1930-х, проблеме синтеза коммунистического и христианского идеалов в эстетике первых десятилетий советской власти. Рассмотрение культуры эпохи 1920–1930-х в указанном ракурсе актуализует изучение ее связей с эпохой Серебряного века. Изучение внутренних связей двух эпох позволяет увидеть феномен советского времени с его темой нового человека и новой культуры в фокусе тех движений и традиций, которые, существуя в эти годы в Советской России, пытаются создать целостный идеал новой культуры.

В последнее время появляются публикации не изданных ранее архивных текстов А. Белого¹, дневников и художественных произведений С. Дурылина², публикуются философские и художественные тексты представителей русского космизма В. Муравьева, А. Горского, Н. Сетницкого³. В работах Н. Богомолова, О. Богдановой, А. Гачевой, Е. Глуховой, Д. Магомедовой, В. Петрова, А. Резниченко, С. Семеновой, Н. Солнцевой, М. Спивак и др. анализируются поэтическое творчество, дневники и художественные произведения писателей и мыслителей, связующих в своем творчестве эпоху Серебряного века и советские 1920–1930-е гг. Мотивы и концепты русского Серебряного века, связанные с рецепцией идей Р. Вагнера, важных и для советского времени, анализируются в монографии М. Пащенко «Сюжет для мистерии: Парсифаль – Китеж – Золотой Петушок (историческая поэтика оперы в канун модерна)» (М., 2018), рассматриваются как составная часть советской музыкальной культуры 1920–1940-х в диссертации М.Г. Раку «Идеологическая рецепция музыкальной классики в раннесоветской и сталинской культуре» (М., 2015).

¹ Андрей Белый. Автобиографические своды. Материал к биографии. Ракурс к дневнику. М.: «Наука», 2016. См. также: Андрей Белый. Жезл Аарона. Работы по теории слова 1916–1927 гг. М.: ИМЛИ РАН, Москва, 2018.

² Дурылин С.Н. Троицкие записки // Наше наследие. 2015. № 116. С. 77-103; Дурылин С.Н. Статьи и исследования 1900–1920 годов. СПб.: Владимир Даль, 2014. С. 70-106.

³ Муравьев В.Н. Сочинения: В 2 т. М., 2011; Горский А.К. Сочинения и письма. В 2 кн. М.: ИМЛИ РАН, 2018.

Современные исследования взаимосвязей русской философии и литературы, философского контекста литературы демонстрируют преемственность религиозно-философских тем и сюжетов эпохи Серебряного века и первых пореволюционных десятилетий. Не случайно выходящая ныне расширенная антология «Взыскующие Града. Хроника русских литературных, религиозно-философских и общественно-политических движений в частных письмах и дневниках их участников, 1829–1923 гг.» под редакцией В. Кейдана (М.: Модест Колеров, 2018) объединяет в своем замысле искания Невидимого града в эго-документах философов и писателей дореволюционного и послереволюционного времени, включая в их число дневники и письма М. Пришвина.

Миф о Невидимом граде определяет особенность поэтики и религиозно-философского видения эпохи Первой мировой войны, революции и первых лет строительства нового государства. Эсхатологические и хилиастические мотивы и темы, получая особый импульс развития после революции 1905 года, становятся основой мировоззрения философов и художников «китежан» 1920–1930-х гг. – А. Мейера, А. Ухтомского, В. Муравьева, С. Дурьлина, А. Горского, Н. Сетницкого и др., в творчестве которых определяется понимание путей созидания «идеальной общности», в основе которой «принцип Церкви»⁴. Мифологема Невидимого града становится основой художественного восприятия революции 1917 года и путей культуры будущего в творчестве новокрестьянских поэтов. Проблема поиска образа идеального общества будущего является одной из магистральных линий эпохи 1900–1930-х, объединяя ее, с одной стороны, с религиозно-философскими исканиями XIX века (идеи А. Хомякова, Ф. Достоевского о церкви как идеале общности, размышления о войне и мире, идеальном обществе будущего в творчестве Н. Федорова, Л. Толстого) и, с другой стороны, с религиозно-философскими темами советского времени, где традиция поисков Невидимого града продолжается в творчестве А. Мейера, А. Ухтомского, А. Белого, В. Муравьева, С. Дурьлина, А. Горского, Н. Сетницкого, Д. Андреева,

⁴ Идея общения, в основе которого «принцип Церкви», противопоставленный «принципу Государства», формулируется в 1915 году в докладе А. Мейера. См.: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). История в материалах и документах (1914–1917): В 3 т. Т. 3. М.: «Русский путь», 2009. С. 160.

образуя своеобразный «китежский текст» русской культуры первой половины XX века.

С этим многообразием контекстов связана и многозначность образа Невидимого града в творчестве М. Пришвина. Обращение писателя к китежской теме становится своеобразным ответом на дискуссии современников после революции 1905 года о путях человечества к идеальному обществу будущего. Актуальным представляется в связи с этим изучение творчества Пришвина в составе «китежского текста» русской религиозной философии и литературы 1900–1930-х гг., где образ Китежа (Невидимого града) рассматривается в контексте софиологической проблематики В. Соловьева, а также изучение вопроса о рецепции традиций Серебряного века в творчестве М. Пришвина пореволюционного и советского периодов.

Ключевое место в этом направлении исследования занимает дневник писателя, который он ведет с 1905 года до конца жизни (1954). Именно дневник, в котором вызревают религиозно-философские идеи и темы, ведется диалог с современниками и предшественниками, с читателем будущего, позволяет проследить эволюцию сюжета «пути в Невидимый град», объединяя религиозные искания нескольких периодов жизни писателя. Данный ракурс исследования творчества Пришвина вносит свой вклад в изучение советской культуры 1920–1930-х, выявляя линии связи эпох – 1900–1910-х, Первой мировой войны и революции и советского периода 1920–1930-х как переломных вех русской истории.

Степень разработанности проблемы. Для рассмотрения связи творчества Пришвина с проблематикой поиска Невидимого града в русской литературе и философии 1900–1930-х гг. мы учитывали ряд предыдущих исследований, обращенных к изучению как религиозно-философского контекста, так и мифопоэтики творчества Пришвина.

Проблема рецепции в творчестве М. Пришвина тем и идей русских религиозных мыслителей, и в частности Федорова и Соловьева, затрагивается в работах С.Г. Семеновой, З.Я. Холодовой, Н.В. Борисовой, Н.П. Дворцовой, А.М. Подоксенова, В.П. Визгина. Отдельное место в этом направлении исследований занимает изучение диалога М. Пришвина с В. Розановым и

Д. Мережковским (Н.П. Дворцова, А.М. Подоксенов, О. Дефье), а также проблема влияний на его мировоззрение идей христианского персонализма Н. Лосского, имяславческих идей А. Лосева (А.М. Подоксенов, В.П. Визгин). Среди работ, исследующих религиозно-философскую проблематику творчества Пришвина, необходимо отметить также работы В.В. Агеносова, Г.П. Климовой, И.К. Кучмаевой, Т.Я. Гринфельд, А.А. Дырдина, И.Г. Новоселовой, а также О.А. Машкиной, Ю.С. Мохнаткиной, А.Ю. Павловой. Исследованию мифопоэтики Пришвина как формы реализации идеи всеединства посвящены работы елецкой школы пришвиноведения (Н.В. Борисова, О.А. Ковыршина, Н.И. Лишова, С.В. Логвиненко). Аллюзии к идее всеединства в литературе 1930-х, в частности в творчестве М. Шолохова, А. Платонова и М. Пришвина выявляются в монографии Н.В. Корниенко «Сказано русским языком...» Андрей Платонов и Михаил Шолохов: встречи в русской литературе» (Москва, ИМЛИ РАН, 2003).

Вместе с тем, в рамках историко-литературного исследования образа Невидимого града в творчестве Пришвина необходимо учесть работы С.В. Шешуновой, И. Карлсон, К.М. Азадовского, Н. Михаленко, изучающие сюжеты и мотивы, связанные с трансформацией образа Китежа в русской литературе XX века, которые в статье М. Пашенко обозначены понятием «китежского текста»⁵, а также исследования беловодского метатекста в работах Н.В. Ковтун и Е.А. Папковой. Значимое место для нашего направления исследования занимают работы, в которых китежская тема осмысливается в контексте проблематики христианского персонализма, где путь в Китеж становится метафорой пути преображения личности, обретения «подлинной реальности». Философам-«китежанам» 1920–1930-х посвящены работы В. Хализева, Д. Московской др.. Тема Невидимого града в контексте софиологической проблематики исследуется Н.А. Вагановой, А.И. Резниченко. Проблема поиска царства Божия на земле рассматривается в составе религиозно-философских исканий XIX века в монографии протоиерея о. Павла Хондзинского «“Церковь не есть академия”. Русское внеакадемическое богословие XIX века» (Москва: Издательство ПСТГУ, 2016), где определяется значимое для нашего исследования

⁵ Понятие «китежского текста» впервые появляется в статье Пашенко М.В. Проблема «китежского текста» и «Инония» Есенина // Вопросы литературы. 2011. № 2. С. 9–58

соответствие понятий: «Град Божий» – «церковь-община» – «невидимая церковь» – «Невидимый град». При изучении софиологической проблематики творчества Пришвина для нас были важны также работы О.А. Богдановой, А.Г. Гачевой, Е.В. Глуховой, Д.М. Магомедовой, В.В. Петрова, М.Л. Спивак, Д.О. Торшилова, где исследуются соответствующие концепты и сюжеты в творчестве писателей Серебряного века, определяется роль философии как источника литературного сюжета.

Значимое место в исследовании эволюции сюжета «пути в Невидимый град» в творчестве М. Пришвина занимает проблема самоопределения писателя в советское время. К теме взаимодействия личности и государства в творчестве Пришвина советского периода обращались Я.З. Гришина, А.Н. Варламов, Г.П. Трефилова, А.В. Святославский. Отдельно следует назвать исследования житнетворческих стратегий Пришвина в 1920–1940-е гг. в докторской диссертации Е.А. Худенко «Житнетворчество Мандельштама, Зощенко, Пришвина 1930–1940-х гг. как метатекст» (дис... д-ра наук.: 10.01.01, Барнаул, 2012), а также работы, посвященные изучению литературного процесса 1920-х гг., среди которых монография Н.В. Корниенко «Нэповская оттепель»: становление института советской литературной критики (Москва, ИМЛИ РАН, 2010), исследования традиционализма и неотрадиционализма в русской литературе XX века Н.В. Ковтун, О.Н. Склярова, В.И. Тюпы.

Наряду с уже имеющимся в научных исследованиях анализом идеи всеединства в творчестве М. Пришвина, вне поля специального рассмотрения остается вопрос рецепции этого философского концепта в художественном языке литературы 1900–1930-х, где идея всеединства прочитывается через образ Невидимого града. За пределами комплексного историко-литературного анализа творчества Пришвина остается ряд тем и сквозных мотивов «китежского текста» писателя, связанных с концептом Невидимого града как мифологемой, объединяющей в себе образы идеальной общности в творчестве Пришвина 1900–1930-х гг. Рассмотрение сюжета «пути в Невидимый град» в произведениях М. Пришвина указанного периода позволит дополнить сложившиеся в пришвиноведении представления о влиянии на писателя идей нового религиозного сознания (Н. Дворцова, А. Подоксенев), а также проследить эволюцию идеи

«религиозной общественности» в образах и мотивах творчества М. Пришвина советского времени.

Теоретической базой исследования стали труды по теории и истории литературы М.М. Бахтина, А.Н. Веселовского, В.М. Жирмунского, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, Ю.Н. Тынянова; Г.Д. Гачева, В.Е. Хализева, С.Г. Семеновой, Т.А. Касаткиной, Н.В. Ковтун, Д.М. Магомедовой, Е.А. Худенко, М.В. Пащенко, В.В. Петрова, а также работы по истории русской философии К.М. Антонова, Н.А. Вагановой, А.И. Резниченко, П.В. Хондзинского. Из научно-исследовательских работ, посвященных литературе и литературному процессу 1900–1930-х годов для нас принципиально были важны труды С.Г. Семеновой, Н.В. Корниенко, О.Н. Михайлова, В.А. Келдыша, С.И. Шешукова, В.В. Полонского, А.И. Чагина, Д.Д. Николаева, О.А. Богдановой, О.А. Казниной, а также серия коллективных трудов ИМЛИ, посвященных литературе 1920–1930 годов, ее историческому, философскому, социокультурному контексту⁶.

Все вышесказанное позволяет нам определить цель работы. **Диссертационная работа имеет целью** проследить эволюцию сюжета «пути в Невидимый град» в творчестве М.М. Пришвина 1900–1930-х., показать связь этого сюжета с религиозно-философским и литературным контекстом первых десятилетий XX века.

Поставленная цель определяет следующие задачи:

1. Определить мифопоэтическую основу и источники сюжета «пути в Невидимый град» в творчестве М. Пришвина 1900–1930-х гг. в контексте религиозно-философских и художественных дискуссий Серебряного века.

2. Описать проблематику града земного («града кесаря») и града Божьего в произведениях М. Пришвина периода Первой мировой войны в контексте дискуссий о граде Небесном Д. Мережковского, З. Гиппиус, А. Мейера.

⁶ Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1. Москва и Петроград 1917–1920 гг.; Т. 1. Ч. 2. Москва и Петроград 1921–1922 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. Книга 1,2. М.: Наследие, 1994; Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов. М.: ИМЛИ РАН, 2003; На переломе. Философия и мировоззрение. Философские дискуссии 20-х годов. М.: Политиздат, 1990; Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. Публикации, исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2014; ПЕРЕЛОМ 1917 ГОДА: революционный контекст русской литературы. Исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2017.

3. Проанализировать концепцию духовной революции как пути в Невидимый град в дневниках и художественных произведениях Пришвина 1917–1922 г. в контексте религиозных исканий града Небесного в творчестве А. Блока, Н. Клюева, С. Есенина.

4. Проанализировать сюжет пути к идеальной коммуне-Китежу в дневниках, публицистике и художественных произведениях М. Пришвина советского периода в контексте христианского персонализма и космизма 1920–1930-х.

Предметом диссертационного исследования становится сюжет «пути в Невидимый град» в творчестве М. Пришвина 1900–1930-х гг.

Объектом исследования выступают дневники, публицистические произведения, повести, рассказы и очерки М. Пришвина как части единого текста рассматриваемого периода. В качестве интертекстуального комментария привлекаются релевантные для Пришвина контексты в философских произведениях Н. Федорова, В. Соловьева, В. Розанова, Д. Мережковского, Н. Бердяева, А. Мейера, В. Муравьева, С. Дурьлина, А. Горского, Н. Сетницкого, а также в публицистике и художественных произведениях З. Гиппиус, А. Белого, А. Блока, С. Есенина, Н. Клюева. В качестве релевантного контекста творчества М. Пришвина 1900–1930-х рассматриваются также произведения писателя 1940–1950-х гг.

Научная новизна исследования: В работе впервые предпринята попытка комплексного исследования сюжета «пути в Невидимый град» в творчестве М.М. Пришвина в религиозно-философском и историко-литературном контексте 1900–1930-х гг. Определяется интертекстуальный комментарий творчества М. Пришвина указанного периода, обращенный к дискуссиям о граде земном и граде Божием, а также к проблеме поиска идеальной общности в русской религиозной философии и литературе первой трети XX века. Включение данного контекста в анализ мифопоэтики Пришвина существенно уточняет исследовавшийся ранее концепт всеединства, определяет сюжетобразующую роль образов и мотивов, связанных с мифопоэтическим и философским языком эпохи. Анализируется ранее не входивший в круг исследований Пришвина платоновский миф как основа сюжета «пути в Невидимый град», определяется сквозной мотив «невидимой преграды» в его вариациях: образ «завесы бытия» («завесы мира»),

«ширмы войны», «стены годов», «темной вуали», «толщи катастрофы» в соотношении с образами «невидимой преграды» в текстах современников Пришвина. В составе сюжета «пути в Невидимый град» впервые рассматривается ряд образов и мотивов творчества Пришвина советского времени: растительные образы-символы «жень-шень», «фацелия», водоросль Клавдофора, «олень-цветок» сопоставляются с такими образами «китежского текста» М. Пришвина, как «росток церкви», «христианский цветок Мира»; образы «коммуны», «коммуниста», «комсомольца», «революционера», «революции», «подвига» в творчестве М. Пришвина 1920–1930-х годов исследуются в контексте религиозных исканий Серебряного века.

Теоретическая значимость диссертационной работы состоит в том, что в работе определены источники сюжета «пути в Невидимый град» в творчестве Пришвина 1900–1930-х, представлен системный анализ мотивов и образов данного сюжета в составе «китежского текста» русской литературы и философии 1900–1930-х, где в качестве релевантных контекстов включены произведения Н. Федорова, А. Мейера, В. Муравьева, С. Дурылина, А. Горского, Н. Сетницкого, а также поэтические и публицистические тексты А. Блока, Вяч. Иванова, Н. Клюева, С. Есенина и др. Установлены особенности контаминации в языке Пришвина религиозно-философских тем и сюжетов Серебряного века с понятийным и образным языком советского времени (образы «пионер леса», «коммунист», «коммуна», «комсомолец», «революция», «революционер», «подвиг» и пр.). На примере творчества Пришвина показана сложность и синтетичность эстетики и религиозно-философских поисков писателей первой трети XX века, ключевым моментом которой становится диалог двух эпох – обращение к традициям Серебряного века в литературе советского времени. Материал работы важен для определения жанровых особенностей творчества Пришвина, где дневник является важнейшим источником для формирования религиозно-философской проблематики и поэтики повестей, рассказов и очерков писателя.

Практическая значимость диссертации связана с возможностью применения ее результатов при разработке лекционных курсов по истории русской литературы первой трети XX века, а также на спецкурсах и вузовских семинарах. Работа может

использоваться при составлении комментария к академическому собранию сочинений М.М. Пришвина.

Методология и методы диссертационного исследования

Исследование осуществлено с помощью применения следующих научных методов: сопоставительного, историко-биографического, историко-культурного, научно-источниковедческого, а также ряда литературоведческих методов: структурно-сематического, мифопоэтического метода, метода анализа релевантных контекстов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Источниками сюжета «пути в Невидимый град» в творчестве М. Пришвина являются: 1) платоновский и соловьевский гностический миф (идея восхождения падшего мира к миру в Боге (Плероме), христианской версии всеединства) в философии русского христианского персонализма (С. Булгаков, Н. Бердяев, А. Мейер, С. Дурылин и др.). 2) соловьевская идея теократической утопии, понимание «церкви» как Богочеловечества и ее трансформация в идее «безгосударственной религиозной общности» (Д. Мережковский, А. Мейер, З. Гиппиус); 3) идея различения двух путей к новому миру (путь Зигфрида и путь Парсифаля) в философии и эстетике Р. Вагнера.

2. В основе сюжета «пути в Невидимый град» лежит мотив преодоления невидимой преграды «пространства и времени» материального мира в пути возвращения человечества к всеединству, граду Божьему. Семантика образа «невидимой преграды» в творчестве М. Пришвина («стены годов», «завесы бытия», «завесы мира», «черной вуали», «ширмы войны», «толщи катастрофы») может быть рассмотрена в составе «китежского текста» в философии и литературе 1900–1930-х, где ее коррелятами становятся образы «смертельного морока» (Вяч. Иванов), «бредного марева» (П. Флоренский), «болотного марева» (С. Дурылин), «толщи земли» (А. Горский), порождения «ничто и хаоса» (В. Муравьев).

3. Сюжет «пути в Невидимый град» зарождается в ранних произведениях Пришвина 1900–1914-х годов (очерки «В краю непуганых птиц», «За волшебным колобком», «Астраль», повесть «У стен града невидимого»), где появляется мотив пути разных «я» к общему «мы», единому вечному миру, символом которого

являются образы «земли обетованной», «территории без имени», «края непуганых птиц», а также образы водопада, Святого озера, океана, невидимой церкви.

4. В творчестве Пришвина периода Первой мировой войны сюжет «пути в Невидимый град» отражает проблематику дискуссий о войне и мире в Религиозно-философском обществе Петербурга. Пришвин противопоставляет путь строительства государства, цель которого – политические интересы завоевания территории, и путь «творчества мира», всечеловеческого единства, в основе которого родственное отношение человека к другим людям и существам в природе.

5. В произведениях М. Пришвина 1918–1922 гг. сюжет «пути в Невидимый град» воплощает идею духовной революции, в основе которой концепция творческого поведения, «раз-личающего»⁷ в свете родственного внимания имени тварей. В повести «Мирская чаша» Невидимый град – это мир «вечных имен», сокрытый за видимым миром «числа». Мечта о братстве, в отличие от Есенина и Клюева, оказывается у Пришвина не утопическим идеалом, а реальностью духовного пути личности в ее восхождении от «я» к «мы». В аллюзиях к евангельским сюжетам о блудном сыне и благоразумном разбойнике изображается путь внутреннего покаянного преобразования человека, преодолевающего бунт и вражду в «творчестве мира».

6. В основе сюжетики произведений Пришвина 1920–1930-х гг. лежит мотив преодоления эгоизма и обретения нового зрения, открывающего невидимую общность всех существ мира, идеальную коммуно-Китеж, символом которой становится образ «золотой луговины». Растительные образы-символы «женьшень», «фацелия», водоросль Клавдофора, «олень-цветок», «невидимый верхний этаж леса» продолжают символический ряд образов невидимого мира братства («росток церкви», «христианский цветок “Мира”», «“мы” христианской общины»).

7. Образ идеальной коммуно-Китежа в творчестве М. Пришвина 1920–1930-х определяется в контексте идей христианского социализма как принадлежности философии христианского персонализма и космизма, где Невидимый Божий град – это «личностный, духовный (истинно “живой”) мир»⁸ в работах А. Мейера, «мир

⁷ См. Пришвин «Мирская чаша» // Пришвин М.М. Цвет и крест. Неизвестные произведения 1906–1924 годов. СПб.: ООО «Изд-во “Росток”», 2004. С. 396.

⁸ Мейер А.А. Философские сочинения. Paris: La Presse Libre, 1982. С. 421.

свободных, бессмертных личностей»⁹ в трудах Н. Федорова и его последователей В. Муравьева, А. Горского и Н. Сетницкого, «сверхличная народно-церковная полнота сознания»¹⁰ грядущего «всеединения человечества» в дневниках А. Ухтомского. В образах «коммуны», «коммуниста», «революционера», «подвига» выявляется скрытый подтекст: идея соприсутствующего с человеком Града Божьего – всечеловеческого братства.

Апробация результатов исследовательской работы проходила в форме дискуссии на заседаниях Отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья ИМЛИ им. А.М.Горького РАН. Основные положения и выводы диссертации были представлены в 56 докладах автора на международных и всероссийских научных конференциях и семинарах, в числе которых конференции, посвященные творчеству М. Пришвина в Ельце (2003, 2013, 2018); конференции РГГУ, посвященные философии Платона и ее рецепции в русской философии XX века, а также проблемам теории и истории литературы (РГГУ, 2016–2018); конференции ИМЛИ РАН, в том числе «Литература и культурное самосознание России в период Первой мировой войны» (2013), «Утопия и эсхатология в культуре русского модернизма» (2015); «Перелом 1917 года: революционный контекст русской литературы» (2017); «Международные научные чтения памяти Н.Ф. Федорова» (2007–2019), «Биография и автобиография в культуре Серебряного века»(2018); международные зарубежные конференции: «Истинность и ложность утопии. Вопросы утопических дискурсов» (Седльце, 2015); International Conference Krakow Meetings (2014, 2015, 2016, 2017, 2019).

Результаты работы были также представлены в ряде публичных научных лекций и сообщений, в том числе с видеотрансляцией в интернете: на заседании клуба «Соты» Литинститута (Литинститут, 2015), в Музее-библиотеке Н.Ф. Федорова при Библиотеке № 180 (2016), в музее Бориса Пастернака (2018), открытой лекции в рамках «Литературно-исторической школы» в ПСТГУ (2015), на семинаре «Комментарий: теория и практика» (ИМЛИ РАН, 2017) и др.

Материалы работы использовались при подготовке магистерских курсов «Христианство и русская литература XIX – начала XX вв.», «Религиозные искания

⁹ Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: В 4 т. Том 1. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 111.

¹⁰ Ухтомский А. «Лицо другого человека». Из дневников и переписки. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008. С. 188.

в русском обществе», «Церковь и русская литература XIX – начала XX вв.» в рамках магистерской программы Богословского факультета ПСТГУ «Религиозные аспекты культуры XIX – начала XX вв.» (кафедра «Философия религии и религиозные аспекты культуры ПСТГУ»), в разработке серии межрегиональных вебинаров «Дневники и художественное творчество М.М. Пришвина: опыт изучения и преподавания» в системе международного бакалавриата ГАОУ Школа № 1306 – «Школа молодых политиков» (г. Москва).

Основное содержание работы было отражено в 37 публикациях, из которых 6 в изданиях, рекомендованных ВАК, 4 – в коллективных монографиях ИМЛИ РАН, 1 – в коллективной монографии COLLOQUIA LITTERARIA SEDLCENSIA, общим объемом 27 а. л.).

Структура и объем диссертационного исследования.

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографического списка, включающего 296 именованных. Основная часть диссертации изложена на 295 страницах. Расположение глав и параграфов обусловлено целями и задачами исследования. В основу анализа положены хронологический и проблемно-тематический принципы. В заключении обобщаются результаты, делаются выводы, а также намечаются перспективы дальнейшего изучения творчества М. Пришвина советского периода.

Основное содержание работы.

Во Введении обосновывается выбор темы диссертации, ее актуальность, научная новизна, определяется степень разработанности проблемы, цели и задачи исследования, описывается его методологическая база, исследуются основные, наиболее значимые особенности истории изучения мифопоэтики, а также религиозно-философского контекста дневникового и художественного творчества М. Пришвина.

Первая глава «Образ Невидимого града в творчестве М. Пришвина 1900–1910-х годов», состоящая из трех разделов, посвящена традиции осмысления образа Невидимого града и пути к нему в русской религиозной философии и литературе 1900–1910-х годов), а также преломлению этой традиции в раннем творчестве М. Пришвина.

В первом разделе *«Литературно-философские источники сюжета “пути в Невидимый град” в культуре Серебряного века»* проведено различие китежской легенды и религиозно-философского мифа о Невидимом граде в культуре Серебряного века, выявлены литературные и философские источники сюжета «пути в Невидимый град». Многообразие интерпретаций образа Китежа в культуре XX века обращает внимание исследователей к проблеме «китежского текста» (С.В. Шешунова, И. Карлсон, К.М. Азадовский, М.В. Пашенко и др.). Пришвинское видение Китежа является составной частью религиозно-философских исканий, связанных с темой Невидимого града в кругу символистов (А. Блок, А. Белый, Вяч. Иванов), новокрестьянских поэтов (Н. Клюев, С. Есенин), а также философов и писателей Московского и Петербургского религиозно-философских обществ¹¹ (Д. Мережковский, З. Гиппиус, С. Булгаков, А. Мейер, Н. Бердяев, П. Флоренский, С. Дурылин и др.), в 1910-е сюда же примыкают деятели федоровского движения – В. Муравьев, А. Горский, Н. Сетницкий. В отличие от утопических вариантов трактовки легенды, где Китеж становится символом утраченного прошлого, в рецепции китежской легенды в кругах МРФО образ Невидимого града ассоциируется с образом града Божьего, который соприкасается с человеком в вечности, но закрыт по его грехам. Путь в Невидимый град определяется как путь религиозного творчества личности, преодолевающей невидимую преграду природного «я» (материи, «пространства и времени») в покаянии и прозревающей новый мир как сообщество разных «я» в Боге – «Невидимую Церковь», «град Вышний», «Царство Божие».

Во втором разделе *«Образ пути к невидимой “новой земле” в очерках М. Пришвина 1905–1908 годов»* определяется завязка сюжета «пути в Невидимый град» в раннем творчестве Пришвина. Рассматривается влияние религиозно-философской проблематики дискуссий¹² о Невидимом граде Божиим в путевых записях «В краю непуганых птиц», «За волшебным колобком». Выявляется сюжет пути к невидимому вечному миру, сокрытому за видимым разрозненным миром

¹¹ Московское религиозно-философское общество (МРФО) памяти В. Соловьева работало в Москве в период 1905–1918 гг. Петербургское религиозно-философское общество (ПРФО) существовало в Петербурге в период 1907–1917 гг.

¹² В 1909 году Пришвин становится членом Петербургского религиозно-философского общества, где общается с З. Гиппиус, Д. Мережковским, заочно знакомится с трудами С. Дурылина.

повседневности, а также основные топосы этого пути – образы Святого озера, водопада, океана.

В третьем разделе «*Два пути в Невидимый град: диалог М. Пришвина и С. Дурылина в 1909-1913 гг.*» рассматривается формирование образа Невидимого града в раннем творчестве Пришвина в контексте диалога с С. Дурылиным. В следующей за очерками странствий повести «У стен града Невидимого» (1909), а также в дневниках 1913 года Пришвин оформляет свое видение пути в Невидимый град: это путь преодоления времени, образом которого становится невидимая стена града – «стена годов», в которой открывается окно – путь в землю обетованную, град Божий. В рецензии Пришвина на книгу С. Дурылина «Церковь Невидимого града» (1913) путь в Невидимый град определяется в системе идей А. Хомякова и В. Соловьева о единстве видимой и невидимой церкви. Интерпретация Пришвиным образа Невидимого града рассматривается в контексте философии христианского персонализма (С. Булгаков, Н. Бердяев, А. Мейер, П. Флоренский, С. Дурылин, и др.), где речь идет уже не об этнографическом анализе народной веры, но о философском размышлении о личном духовном пути каждого, прозревающим через недостатки, раздробленность видимого мира – невидимый вечный мир. В дневниках 1913 года путь в Невидимый град – это превращение «мертвого минерала» в глазах странника: Святой град – это пространство, райский топос, где странник видит всю землю родной, всех людей – братьями. Итогом размышлений о пути в Невидимый град становится очерк «Астраль» (1914), где Пришвин видит происходящее на Светлом озере через сюжет пути разных «я» к океану, где «я» образуют «мы».

Во второй главе «Идеал всечеловечности в творчестве М. Пришвина периода Первой мировой войны», состоящей из четырех разделов, исследуется сюжет «пути к Невидимому граду» в дневниках, публицистике и художественных произведениях Пришвина периода 1914–1916 гг.

В первом разделе «Религиозно-философский контекст проблемы войны и мира в дневниках М. Пришвина 1914–1916 гг.» исследуется релевантный для понимания концепции войны в дневниках Пришвина контекст дискуссий о войне и мире в религиозно-философских собраниях 1914–1916 гг. в Петербурге. На материале докладов Д. Мережковского, З. Гиппиус, А. Мейера реконструируется

проблематика двух путей к идеальному целому: путь строительства государства, в основе которого национальные интересы каждого народа, и путь к Граду Божьему – всечеловеческому братству, где преодолевается война и рождается бессмертная личность.

Во втором разделе «Град Божий и град кесарев в дневниках М. Пришвина 1914–1916 гг.» на материале публицистических высказываний и художественных лейтмотивов (микросюжетов) в дневнике реконструируется представление Пришвина о войне как состоянии мира, из которого ведут два пути – к граду Божьему и к граду кесареву (государству). Выявляются аллюзии к дискуссиям о войне Д. Мережковского, З. Гиппиус, А. Мейера, В. Эрн. Уже в предвоенный 1914 г. Пришвин обращается к образам идеального целого, изображенного в образе «чудесного христианского цветка Мира»¹³ который вырос на «раздробленной на мельчайшие полоски земле»¹⁴. В образах земли, цветка войны и цветка мира у Пришвина выявляется сходство с образным рядом в докладах Гиппиус, где война сравнивается с цветком, выросшим на земном поле, которое не смог вспахать человек. Как и З. Гиппиус, Пришвин пишет о «победе войны» в сердцах людей. Подобно тому, как на религиозно-философских собраниях в Петербурге войне противопоставляется поиск путей созидания христианской общности, в основе которой – «принцип Церкви», Пришвин наблюдает два пути созидания целого. Первый путь – творчество государства, когда человек политическим путем насилия строит новый мир. Пришвин сравнивает такой социум с образом хоровода. Второй путь – преодоление греха отчуждения, заслоняющего подлинное видение мира; творчество бессмертной личности, открывающей родственные связи со всеми живыми существами и космосом в целом.

В третьем разделе «Сюжет “пути в Невидимый град” в дневниках военного корреспондента 1915–1916 гг.» выявляется сюжет «пути в Невидимый град» в дневниковых записях М. Пришвина 1915–1916 гг., а также сформированных на их основе очерках «На братскую линию», «Отзвуки боя». Реконструируется сюжет пути странника-корреспондента, цель которого – приоткрыть людям тыла «ширму войны». Анализируются микроновеллы, в

¹³ Пришвин М.М. Дневники 1914–1917. СПб.: ООО «Изд-во “Росток”», 2007. С. 6.

¹⁴ Там же. С. 5.

которых корреспондент описывает поведение человека на войне. В основе сюжета – открытие «нового» в «очевидном». Пришвин описывает, как люди на войне открывают путь «творчества мира»: созидание христианской общности не в политическом пространстве земного Града, а в бытии со всеми, в сострадании друг другу – в пространстве града Божьего. Образ раздробленной земли как символ людской розни в дневниках 1914 г. получает симметричную рифму в образе воссоединенной земли за чертой братской линии, где открывается людям особый мир родства, сострадания и спасения.

В четвертом разделе *«“Китежский текст” в дневниках и очерках М. Пришвина периода Первой мировой войны»* анализируется сюжет «пути в Невидимый град» в очерках, созданных по мотивам дневников 1914-1916 гг. («Слепая Голгофа», «Августовские леса», «Косыч»), ставших частью созданное позднее цикла очерков «Слепая Голгофа»¹⁵. «Китежский текст» объединяет дневники и очерки М. Пришвина военного времени. В поэтическом пространстве очерков «Августовские леса» и «Слепая Голгофа» путь на войне осмысливается как восхождение на Голгофу, преображающее душу человека. Определяется символический смысл образа Августовского леса: это метафора запутанного пространства войны, коррелятом которого в дневнике Пришвина становится образ «завесы бытия», закрывающей от человека подлинный Божий мир. Тема искажения видимости описана Пришвиным, как и в платоновском мифе о пещере, через образ передвижной ширмы: «ширма фронта» передвигается, чтобы солдаты видели вместо людей мундиры, скрывающие от человека то, что он стреляет в такого же, как он. В сюжет блужданий взвода в лесу включены аллюзии к некрасовской теме поиска мужиками правды, а в контексте платоновского мифа – это путь поиска истины – разгадки войны, сокрытой за ее «ширмой». Кульминацией сюжета превращения раздробленного пространства войны в пространство общего мира становится история капитана, в которой звучит мотив открытия «нового» в «очевидном»: обнаружение в страшном враждебном мире родного пространства. Разгадка войны, которую ищет автор дневника, – это истина о том, что «выйти из

¹⁵ В собрании сочинений 1929-1931 гг. (т. 4) Пришвин объединяет под названием «Слепая Голгофа» серию очерков: «Слепая Голгофа», «Августовские леса», «Косыч», «Адам», «Сыр». См. подробнее: Пришвин М.М. Собр. соч.: В 8 т. Т.2. М.: Художественная литература, 1982. С. 676.

леса» («решить мировую задачу»¹⁶) можно, преодолев полярные деления на «своих» и «чужих», увидев мир в свете «родственного внимания». Открытая капитаном загадка войны – общий знаменатель в раздробленном мире «числа» – это правда о всечеловеческом единстве.

Время войны вмещается в течение Страстной седмицы. Кульминацией в пути военного корреспондента становится разговор с ксендзом, где выявляется пасхальный, преображающий смысл объединения людей в сострадании друг другу. Посреди зыбкого пространства войны, символом которого становится передвижная ширма, болото, темный лес, открывается Невидимый град братских отношений и сопереживания людей друг другу. Символом Невидимого града становится образ разрушенного и восстановленного в три дня храма – метафора восстановления человеческого единства.

Третья глава «Революционный путь в Невидимый град: “китежский текст” в творчестве М. Пришвина 1917–1922 гг.», состоящая из трех разделов, рассматривает тему духовной революции как основу сюжета «пути в Невидимый град» в творчестве М. Пришвина 1917–1922 гг.

В первом разделе «Китеж и Петербург в дневниках М. Пришвина в контексте «скифской» проблематики в литературе 1918–1920-х гг.» анализируется восприятие М. Пришвиным революции в контексте дискуссий о творчестве идеального будущего града, актуализованных в сборнике «Скифы», в котором публикуется М. Пришвин. Для Иванова-Разумника, Н. Клюева, С. Есенина революция – это путь скифа, разрушающего рациональную бесчеловечную цивилизацию в попытке вернуться к райскому, братскому состоянию мира. Как и у новокрестьянских поэтов, у Блока звучит тема взрывающей цивилизацию «музыки революции». Аллюзии к теме пути в Китеж в творчестве М. Пришвина 1917–1920 гг. звучат как ответ скифской идее, выраженной в творчестве Разумника, Клюева, Есенина. Мотив трагического разрыва идеальной революции и реальной сближает Пришвина и Есенина. Как и в творчестве новокрестьянских поэтов, в дневниках Пришвина в 1917–1922 годы появляется сквозной мотив пути к преображенному космосу – граду Божьему, где нет страданий и розни, где все существа – братья. Вместе с тем, Пришвин критикует катастрофический путь

¹⁶ Пришвин М.М. Дневники 1914–1917 гг. СПб.: ООО «Изд-во “Росток”», 2007. С. 163.

стихийного разрушения старого мира, сближаясь с идеями о постепенном покаянном пути преобразования мира в град Божий в трудах В. Соловьева, Н. Бердяева, С. Булгакова. В прочтении революционных событий ключевым становится сюжет пути из города, построенного путем насилия (Петербурга), в град Китеж, путь в который открывается покаянием.

Во втором разделе *«Мотив возвращения в Невидимый град: образы благоразумного разбойника и блудного сына в дневниках М. Пришвина 1918–1920 гг.»* рассматриваются аллюзии к евангельской теме покаяния, определяющие видение Пришвиным духовной революции. Время революции помещено во время Страстной Седмицы с аллюзиями к дантовскому пути из ада через чистилище в рай. образу бунтующего Евгения противопоставляются евангельские образы раскаявшегося разбойника и блудного сына, возвратившегося в дом отца. Оба мотива преломляются через призму философии христианского персонализма, в основе которой идея прозрения подлинного мира сквозь неподлинный, иллюзорный, изображенный в образе «завесы» малого природного «я» («домика эго»¹⁷). Тема возвращения блудного сына и раскаяния благоразумного разбойника звучит в аллюзиях к соловьевскому софийному мифу. Пришвин различает греховную тьму («темную вуаль на сердце») и мир Божий (Невидимый град), сокрытый человеческой смутой. Путь духовной революции – освобождение от морока «я», объединяющий героя с другими.

В третьем разделе *«Образ шествия со знаменем в дневниках и в художественном творчестве М. Пришвина 1918–1922 годов в контексте полемики с А. Блоком»* рассматривается тема духовной революции в произведениях Пришвина 1918–1922 гг. На материале дневника 1918–1920 гг., а также повести «Мирская чаша» и рассказа «Голубое знамя» анализируется полемика с А. Блоком о революционном преобразении мира. В творчестве Пришвина и Блока можно выявить рецепцию идей Платона и Канта: Пришвин и Блок в образной форме осваивают вопрос о пространстве и времени как преграде в пути к подлинному миру, ключевой в этом контексте становится семантика «числа»: у Пришвина подлинный мир – это преобразенная природа, мир как собор лиц, сокрытый за миром «числа», у Блока – музыкальное время природы

¹⁷ Пришвин М.М. Дневники 1918–1919 гг. М.: Московский рабочий, 1994. С. 276.

противопоставлено дробному, календарному времени цивилизации, где «все множественно, все не спаяно»¹⁸. Как и А. Блок в поэме «Двенадцать», М. Пришвин персонифицирует революционный путь к подлинному, целостному миру в образе народного шествия со знаменем, вводя аллюзии к библейскому мотиву шествия волхвов. В рассказе «Голубое знамя» революционный путь изображен сатирически как шествие «божественных хулиганов»¹⁹. В сатирической статье «Большевик из балаганчика. Ответ Александру Блоку» (16(3) февраля 1918 г.), Пришвин формулирует свою точку зрения по поводу статьи А. Блока «Интеллигенция и революция» (1 февраля (19 января) 1918 г.). Стихию народного бунта Пришвин сравнивает с кипящим чаном, в котором растворяется личность. В образе восхождения героя на Святую гору с голубым знаменем неба Пришвин изображает свою концепцию духовной революции: это путь против законов мира «числа», различение в свете родственного внимания лиц, именование твари. Если у Блока путь к целостному миру – это разрушительная стихия, то у Пришвина звучит мотив смерти бунтующего и воюющего с другими «я». В повести «Мирская чаша» появляются аллюзии к статье А. Белого «Жезл Аарона»: преобразование мира – это творчество Адама, дающего имена твари, возвращающего рай через раскаяние в собственном бунте. Невидимый град сравнивается с покровом Богородицы, которая ткёт пряжу имен. Христианский путь прощения врагов преобразует мир падший в мир спасенный, что символизирует прорастание сквозь землю ростка невидимой церкви, когда один человек «называет другого не официальным словом “товарищ”, а “брат”»²⁰.

4 глава «Творчество идеальной коммуны-Китежа в дневниках и художественных произведениях М. Пришвина 1920–1930 гг.» исследует сюжет «пути в Невидимый град» в творчестве М. Пришвина 1920–1930-х годов, определяет его контекстуальные параллели в русском христианском персонализме и космизме.

В первом разделе «Религиозно-философский контекст проблемы поиска идеальной общности в творчестве М. Пришвина 1920–1930-х гг.» выявляется

¹⁸ Блок А.А. Крушение гуманизма // Блок А.А. Сочинения: В 2 т. Т. II. М.: ГИХЛ, 1955. С. 319.

¹⁹ Пришвин М.М. Цвет и крест. Неизвестные произведения 1906–1924 годов. СПб.: ООО «Изд-во “Росток”», 2004. С.166.

²⁰ Пришвин М.М. Дневники 1918–1919 гг. М.: Московский рабочий, 1994. С.122.

сюжет «пути в Невидимый град» в христианском персонализме и космизме 1920–1930-х гг. как релевантный контекст проблемы творчества идеальной коммуны в дневниках, рассказах и повестях М. Пришвина этого периода. Делается вывод о том, что тема пути в град Божий в христианском персонализме и космизме А. Мейера, А. Ухтомского, В. Муравьева, А. Горского в советский период строится на основе платоновского мифа о преодолении невидимой преграды телесного «я» (эго), открывающем путь к общему со всеми «мы», а также на основе соловьевского мифа о восхождении падшего мира к идеальному граду (миру в Боге). В основе концепции идеальной общности в трудах персоналистов и космистов – идея пути к Граду Божьему, включающая в себя своеобразное преломление идеи всеединства (теократической утопии) В. Соловьева в советское время. Этот путь осмысливается как альтернативный пути строительства нового советского государства и соединяет в себе идеал социализма («коммуны») и христианский идеал «церкви».

Во втором разделе «Путь к идеальной коммуне в дневниках М. Пришвина 1920–1930-х гг.» анализируется сюжет пути к идеальной коммуне в дневниковых записях М. Пришвина 1920–1930-х годов. Образ идеальной коммуны в дневниках Пришвина ассоциируется с верхним этажом леса, где поют птицы Алконост и Гамаюн, что символизирует пространство Невидимого града Китежа. Путь к небесной коммуне, как и в предыдущие периоды, – это преодоление «оскорбленного» «я», восхождение разных «я» к общему со всеми «мы»²¹. Тема Невидимого града как идеального объединения людей и существ в природе в творчестве Пришвина, а также мотив пути к нему, в котором преодолевается «кащеева цепь» эгоистического «я» и открывается новое «мы», созвучна идеям о всечеловеческом единстве А. Ухтомского, «личностном, духовном (истинно «живом») мире», экклезии разных «я» – граде Вышнем А. Мейера, «личном космосе», «вечном бессмертном мире» в творчестве В. Муравьева, А. Горского, Н. Сетницкого.

В третьем разделе «Сюжет пути к “золотой луговине” в замысле романа М. Пришвина «Журавлиная родина» в контексте диалога с А. Горским»

²¹ Пришвин М. М. Дневники. 1936—1937 / Подготовка текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой; Статья, комментарии Я. З. Гришиной. СПб.: ООО «Изд-во “Росток”», 2010. С.666-667.

анализируется концепция религиозного творчества в дневниках М. Пришвина 1926–1928 гг., а также отражение этих идей в сюжете о пути инженера Алпатова к подлинному творчеству жизни в замысле романа «Журавлиная родина». Хилиастические мотивы, звучащие в дневниках М. Пришвина, можно выделить в рассказах и повестях советского периода. Формирование замысла романа «Журавлиная родина» определяется в диалоге с темой пути в град Божий в творчестве А. Горского, с которым писатель общался в 1920-е гг. В дневниках Пришвина можно выявить аллюзии к идее мировоздействия в трудах А. Горского, опирающегося на концепцию взаимознания природы и человека. Путь инженера к подлинному творчеству жизни – это прозрение сквозь толщу болот родственной связи всех существ в природе. Эволюция замысла сюжета об инженере завершается мотивом отказа от творчества для людей (ложный путь в град), когда герой должен пожертвовать своим малым «я» ради жизни водоросли Клавдофоры, соединяющей сквозь время поколения живых существ. Образ золотой луговины символизирует Невидимый град посреди болот, который добывает инженер Алпатов, выбирая аскетический путь родственного внимания, открывающий взаимосвязь всех живых существ в космосе.

Путь инженера к подлинному творчеству жизни обретает свою кульминацию в статье «Мой очерк» (1933), где Пришвин выражает своеобразный манифест творческого поведения в природе. Жанр очерка Пришвин интерпретирует в контексте софиологии В. Соловьева. Как и в работах А. Горского «Огромный очерк» и «Организация мировоздействия», у Пришвина звучит мотив прозрения очерка целостного мира, Града Божьего, сквозь материальную оболочку, разделяющую мир на враждующие части. Путь очеркиста, по Пришвину, – это путь революционера, совершающего своеобразный подвиг, которым он добывает для людей правду: это путь прозрения в свете родственного внимания идеального мира как совокупности разных «я».

Выявляется цепочка сквозных мотивов, образующих концепт Невидимого града с аллюзиями к образному миру Р. Вагнера: клад на дне озера в повести «У стен града Невидимого» (1909), образ «золотой луговины», сокрытой на дне болота в повести «Журавлиная родина» (1929) и в дневниках 1926–1928 гг., а также завершающий этот ряд образов-символов клада на дне – образ кладовой солнца в

сказке-были М. Пришвина «Кладовая солнца» (1945).

В четвертом разделе «Сюжет “пути в Невидимый град” в повести М. Пришвина “Жень-шень”» выявляется мотив пути к невидимому целостному миру в сюжете повести М. Пришвина «Жень-шень» (1933), а также близкие ему мотивы в дневниках М. Пришвина 1930-х гг. Место, где растет чудесная трава «жень-шень» – это райский топос, невидимая земля, путь к которой – прозрение сквозь преграду эгоистического «я» единства мира. Символика пути в повести «Жень-шень» рассматривается в контексте культового для русского символизма романа Новалиса «Генрих фон Офтердинген», где путь поэта к обретению заветного голубого цветка – это открытие в себе утраченного людьми зрения, когда человек видит природу в гармоническом соответствии частей. Как и в романе Новалиса, образ растения в повести «Жень-шень» символизирует всеединство.

Мотив духовной революции как победы над собой, преодоления своего оскорбленного «я» звучит и в замысле рассказа «Этажи леса» (дневники 1937 г.), а также в поэме «Фацелия», в сказке-были «Кладовая солнца». Сопоставляется образ «невидимого этажа леса», где поют райские птицы Алконост и Гамаюн, и образ невидимого чудесного места, где растет корень жизни жень-шень. В дневниках 1937 г. путь открытия чудесного пространства Невидимого града Китежа интерпретируется Пришвиным как «выход из тьмы <...> личности»²², когда лес обретает в глазах путника новое единство. Выявляется система образных соответствий: цветок Мира, выросший на разделенной почве розни людской (1914), росток церкви (1917), корень жизни жень-шень, цветок фацелии (1940). Образ чудесного растения становится символом Невидимого града Божьего, где восстанавливаются родственные связи в мире людей и природы.

В пятом параграфе «Завершение сюжета “пути в Невидимый град”: образ “революции мира” в дневниках М. Пришвина 1940–1941 гг.» на материале, хронологических выходящем за пределы рассматриваемого периода, анализируются мотив завершения пути. Тема любви как пути к всеединству – Граду Божьему, звучащая в повести «Жень-шень», обретает свое символическое завершение в дневниках 1941 года. Здесь появляется мотив остановки пути,

²² Пришвин М.М. Дневники. 1940–1941 / Подгот. текста Я.З. Гришиной, А.В. Киселевой, Л.А. Рязановой; статья, коммент. Я.З. Гришиной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 608.

преодоления преграды миров, открывающего общий со всеми целостный мир. Путь в вечный мир видится в образе «революции мира», разрушающей преграду «греха», что разделяет мир на «наш» и «ваш»²³. Мотив преодоления пространства и времени (преодоления смерти) и обнаружения себя в вечном спасенном мире появляется и в последних записях дневника 1954 года. Мотив бессмертия, а также образ единого пространства вечного мира продолжит свое звучание и после смерти Пришвина в автобиографическом романе его супруги, В.Д. Пришвиной, «Невидимый град», который задуман как комментарий к дневникам М. Пришвина. В романе В.Д. Пришвиной мотив общего поиска чудесного цветка Невидимого града находит свое завершение.

В заключении подводятся основные итоги работы, делаются выводы о возможных направлениях изучения творчества М. Пришвина в контексте эволюции религиозно-философской традиции Серебряного века в советское время.

В результате исследования нами были выявлены образы, мотивы и сюжеты, воплощающие пришвинский миф о Невидимом граде, определены линии пересечения сюжета «пути в Невидимый град» в творчестве М. Пришвина с близкими сюжетами русской литературы и философии 1900–1930-х. Была прослежена эволюция данного сюжета в период 1900–1930-х гг., выявлена идентичность тем и мотивов разных периодов.

Собственная тропа в Невидимый град определяется уже в первых очерках путешествий Пришвина. Описывая быт и веру старообрядцев в книге очерков «В краю непуганых птиц», он обращается к соловьевскому концепту всеединства, воплощая в образах водопада и океана идею вечного мира, сокрытого за разрозненным видимым миром. В очерке «Астраль» (1914) Пришвин подводит итоги своих странствий 1905–1909 годов, изображая океан общей жизни, который объединяет разные «я» в пути к «новой земле» общего мира. Этот же образ объединения разных путей в восхождении к Невидимому граду появится и в дневниках 1937 года, где метафора океана находит свое образное соответствие в образе леса, верхний невидимый этаж которого – Невидимый град Китеж, где поют птицы Алконост и Гамаюн. Мотив пути в единый океан жизни появится также и в

²³ Пришвин М.М. Дневники. 1953–1954. СПб.: ООО «Изд-во “Росток”», 2017. С. 352–353.

поэме «Фацелия» (1943).

Мотивы 1900–1913-х годов объединяют религиозно-философские искания М. Пришвина и С. Дурылина, когда тема пути в Невидимый град определяется в контексте философских идей христианского персонализма о преобразении личности, которое открывает тропу в общий со всеми Божий мир. Тема двух путей к идеальному целостному миру находит свой отклик в рецензии Пришвина (1913), становится лейтмотивом последующего творчества.

Образ пути в град Божий становится основой восприятия драматических событий войн и революции, объединяет Пришвина с дискуссиями Д. Мережковского, З. Гиппиус, А. Мейера о войне и мире во время Первой мировой войны. В дневниках 1918–1922 гг. противопоставляется путь рациональный, волевой, созидающий языческий град (Urbs), образом которого становится Петербург, и евангельский путь творчества нового мира, где смирение кающегося разбойника открывает двери в град Божий, Невидимый Китеж. В отличие от новокрестьянских поэтов С. Есенина и Н. Клюева, в творчестве которых преобладают нотки трагического разрыва идеала Небесного града и земной действительности советского времени, в творчестве Пришвина тема пути в Невидимый град звучит в контексте идей христианского персонализма с акцентом на преодоление невидимой преграды «эго» в прощении врагов, открытии нового мира как многоединого целого. Мотив пути к целостному миру сближает концепцию революции духа Пришвина и Блока, вместе с тем, видение путей революции различно: у Блока это разрушительная стихия бунта против мертвой цивилизации, революционный путь у Пришвина – это смирение «эго», преодоление бунта и различение имен в природе. Пришвин видит выход из военного и революционного противостояния в творчестве «невидимой церкви», образ которой символизирует у Пришвина, как и у В. Соловьева, «всемирную сизигию» – Богочеловечество, братские связи всех существ в мире.

Проблема двух путей в Невидимый град становится в 1920-е годы основой замысла романа о творчестве инженера Алпатова «Журавлиная родина». «Журавлиная родина» – то место, которое обретает герой, когда находит тропу объединения со всеми живыми существами в природе. В дневниках Пришвина 1926–1928 гг. в противовес гуманизму с его идеей прогресса в образе инженера

Алпатова воплощается иной путь к новому миру: герой отказывается от разрушительного преобразования ради людей (осушения болота, где погибнет водоросль Клавдофора), обнаружив невидимые связи со всеми поколениями живых существ в космосе в невидимом граде братства. Как и в «Мирской чаше», в «Журавлиной родине» появляется новый тип коммуниста-революционера, противопоставленный образам революционеров-скифов (Персюк и др.), – это учитель, а затем инженер Алпатов (позже, в повести «Жень-шень», герой-химик Алпатов), который открывает для себя путь общения с миром в свете «родственного внимания». Этот путь определяется Пришвиным как путь духовной революции, открывающей видение мира как множества разных лиц.

Образ идеального «мы», понимаемого в контексте религиозно-философских идей Серебряного века об общности, в фундаменте которой «принцип Церкви», станет основой осмысления общего пути, где нет разделений на «своих» и «чужих», в творчестве Пришвина в советские годы. Образ идеальной коммуны-Китежа в дневниках Пришвина определяется в контексте религиозно-философских исканий путей к Граду Божьему («всечеловеческому единству») в творчестве космистов В. Муравьева, А. Горского, Н. Сетницкого и в близком им круге А. Мейера. Это идейное поле определяет и близкие Пришвину эстетические идеи А. Горского, высказанные им в «Огромном очерке», а также мотив преодоления времени в философской мистерии «София и Китоврас» В. Муравьева.

Рассмотрение наследия Пришвина в контексте проблематики «китежского текста» 1920–1930-х позволяет поставить вопрос об эволюции идей Серебряного века в его творчестве советского времени. Рассматривая под новым углом зрения проблему творческого самоопределения писателя в этот период, мы обнаруживаем, что в его рассказах о животных и природе проявляется философия пути к граду Божьему, возникают сюжеты и символы этого пути («церковь-цветок», «олень-цветок», «росток церкви», «жень-шень» и др.). В повести «Журавлиная родина», в статье «Мой очерк», в повести «Жень-шень», рассказе «Этажи леса» растительные образы-символы становятся частью «китежского текста» русской литературы и философии, где цветок и растение является символом града Божьего. Мотивы прорастания церкви-цветка, «чудесного христианского цветка “Мира”» можно увидеть уже в 1914 году. В годы Гражданской войны появляется образ

прорастающей церкви, купол которой сравнивается с ростком, в годы революции и гражданской войны этот мотив перекликается с образом корней под снегом России-Скифии, ждущих весеннего воскресения. Символом Невидимого града становится чудесный цветок «церкви», образ которого можно соотнести с процветающим жезлом Аарона в творчестве А. Белого, что символизирует путь творчества нового мира: это не вытеснение старого путем войн и революций, но покаянное превращение павшего мира в мир, спасенный в Боге. В «Журавлиной родине» растительный образ водоросли Клавдофоры становится символом единства мира живых и мертвых, к которому возвращается, по замыслу Пришвина, герой, отказавшись следовать злободневным интересам прогресса.

Выявленные в ходе анализа образы-символы пути в Невидимый град («христианский цветок “Мира”», «росток церкви», «завесы бытия», завесы мира» и др.) могут быть определены как составные части «китежского текста» в среде философов и писателей 1900–1930-х гг., кульминация которого звучит в 1950-е гг. в книге Даниила Андреева, где путь возвращения человечества к граду Божьему завершается созиданием всемирной церкви, символом ее, как и в дневниках Пришвина, становится чудесный христианский цветок – «Роза мира».

Исследование творчества Пришвина в обозначенном литературно-философском контексте дает возможность выявить те ракурсы философии и поэтики Пришвина, которые определяют новые грани его взаимодействия с русским религиозно-философским возрождением начала XX в., богоискательской традицией Серебряного века. Прделанный анализ позволяет наметить пути будущих направлений исследований образного и понятийного языка творчества М. Пришвина в контексте влияния литературно-философской традиции Серебряного века на культуру советского времени.

**Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК
Минобрнауки РФ:**

1. Константинова Е.Ю. Философия творческой личности в дневниках М.М. Пришвина в контексте идей А.А. Мейера // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология», М., 2008. № 1. С. 103–106.
2. Константинова Е.Ю. Жанр дневника М.М. Пришвина в контексте философии жизнетворчества // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология», М., 2011. № 3. С. 158–163.

3. Константинова Е.Ю. Поиск идеальной общности в религиозно-философском дискурсе и эстетике 1920–1930-х годов: Дневники М.М. Пришвина и религиозно-философская мысль 1920–1930-х годов. // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология», М., 2011. № 6 С. 156–165.

4. Кнорре Е.Ю. Идеал нового «мы» в дневниках и художественных произведениях М. Пришвина 1914–1928 гг. // Соловьёвские исследования. Ивановский государственный энергетический университет. Вып. 3. 2015. С. 130–142.

5. Knorre E.Iu The Ideal of Brotherhood in M.M. Prishvin's Diaries and Fiction Created in 1914–1923 // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2016, 9 (5). P.1116–1128.

6. Елена Кнорре (Константинова) Метафизика краеведения: «путь к новой земле» в дневниках и художественных произведениях М. Пришвина в контексте религиозно-философских исканий китежан 1910–1920-х гг. (А. Мейера, С. Дурылина, П. Флоренского, А. Ухтомского, Н. Анциферова) // Научно-методический журнал «Русская словесность», Издательство «Школьная пресса», 3/2018. С. 31–40.

Статьи в других рецензируемых изданиях:

7. Константинова Е.Ю. Первая мировая война в дневниках М.М. Пришвина 1914–1917 гг. // Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. Публикации, исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 851–856.

8. Кнорре Е.Ю. (Константинова) «Китежане» 1920-х: М. Пришвин, А. Мейер, М. Бахтин, А. Горский, Н. Сетницкий. «Творчество идеала» как модель самоопределения в социокультурной среде // Утопия и эсхатология в культуре русского модернизма. Серия ««Вечные» сюжеты и образы» / Сост. и отв. ред. О.А. Богданова, А.Г. Гачева. М.: «Индрик», 2016. С. 229–241.

9. Кнорре Е.Ю. Образ идеальной революции: «китежский текст» в творчестве М. Пришвина. С. Есенина. Н. Клюева в период революции и гражданской войны // ПЕРЕЛОМ 1917 ГОДА: революционный контекст русской литературы. Исследования и материалы / Отв. ред. В.В. Полонский, ред.-составители В.М. Введенская, Е.В. Глухова, М.В. Козьменко. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 247–258.

10. Кнорре Е.Ю. Сюжет о благоразумном разбойнике в дневниках М. Пришвина периода революции и Гражданской войны в контексте религиозно-философских исканий «китежан» 1920-х гг. (С. Дурылина, П. Флоренского, В. Муравьева) // Новозаветные сюжеты и образы в культуре русского модернизма / Сост. и отв. ред. О.А. Богданова, А.Г. Гачева. М.: Индрик, 2018. С. 476–491.

11. Константинова Е.Ю. Философия творческой личности в «Дневниках» 1918-1919 годов и в «Мирской чаше» М.Пришвина. // Михаил Пришвин: Актуальные вопросы изучения творческого наследия: Материалы международной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения писателя. Выпуск 2. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2003. С. 147–151.

12. Константинова Е.Ю. Идея жанра дневника М.М. Пришвина // VII Ручьевские чтения. Литературный процесс в зеркале рубежного сознания: философский, лингвистический, эстетический, культурологический аспекты: Сборник материалов международной научной конференции. Магнитогорск: МаГУ, 2004. С. 268–271.

13. Константинова Е.Ю. Тема революции в дневниках М.М. Пришвина 1917-1920 годов // Национальный и региональный «Космо-Психо-Логос» в художественном мире писателей русского Подстепья (И.А. Бунин, Е.И. Замятин, М.М. Пришвин): научные доклады, статьи, очерки, заметки, тезисы, документы. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. С. 267–273.

14. Константинова Е.Ю. Эволюция замысла книги о творчестве «Журавлиная родина» в контексте проблематики дневников М.М. Пришвина 1928 года //

Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании. Вып. 4. М., МГПИ, 2005. С. 162–166.

15. Константинова Е.Ю. Структура пространства и времени в дневниках М.М. Пришвина 1917–1919 годов // Русская литература XX–XXI веков: проблемы теории и методологии изучения: Материалы Второй Международной научной конференции 16–17 ноября 2006–г. М., МГУ, 2006. С. 189–192.

16. Константинова Е.Ю. Идея творческого воздействия на мир в дневниках М.М. Пришвина 1926–1929 гг. в контексте диалога с Н. Федоровым и А. Горским // Литературоведческий журнал. М.: ИНИОН РАН, 2011. № 29. С. 129–147.

17. Константинова Е.Ю. «Вечно любить мир и не умирать в нем». Путь к творчеству дома в произведениях М. Пришвина, М. Булгакова, В. Набокова 1918–1930 гг. // Национальный «Космо-Психо-Логос» в художественном мире писателей XX века. Материалы международной научной заочной конференции. Елец, 2013. С. 223–228.

18. Константинова Е.Ю. Философия творческой личности в дневниках и художественных произведениях М. Пришвина 1920-х годов (религиозно-философский контекст) // Михаил Пришвин и XXI век: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения писателя. Елец: ЕГУ им. Бунина, 2013. С. 75–82.

19. Константинова Е.Ю. Тема творчества мира в дневниках и художественных произведениях М.М. Пришвина 1917–1919 гг.: Евангельский контекст // Михаил Михайлович Пришвин и Ярославский край: сборник материалов Межрегиональной научно-практической конференции. Ярославль, 2013.

20. Константинова Е.Ю. Персонализм и космизм в дневниках М.М. Пришвина 1920–1930-х гг. (религиозно-философский контекст) // Булгаковские чтения. 2014. Т. 8. № 8. С. 139–143.

21. Кнорре Е.Ю. (Константинова) Образ «Другого»: Михаил Пришвин и Михаил Бахтин в восприятии Г.Д. Гачева. // Национальные образы мира в художественной культуре: Материалы Международной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения литературоведа, философа, культуролога Г.Д. Гачева (1929–2008). Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2015. С. 238–245.

22. Кнорре Е.Ю. (Константинова) «СЕ ЧЕЛОВЕК». ПУТЬ К МИРУ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ: Евангельские мотивы в дневниках М.М. Пришвина 1914–1917 годов. // Евангелие в русской литературе, 2015. С. 49–54 (Сборник составлен на основе материалов конференции и круглого стола «Евангелие в русской литературе», проведенного редакцией газеты «Православная Москва» совместно с Клубом писателей-выпускников Литературного института им. А.М. Горького в мае–июне 2014 года)

23. Кнорре Е.Ю. (Константинова) Сюжет о пути в Китеж в дневниках М. Пришвина 1917–1922 гг. // Белые чтения: к 85-летию Галины Андреевны Белой: Сб. научных статей. М., 2016. С. 84–94.

24. Кнорре Е.Ю. (Константинова) Дневники и художественные произведения М.М. Пришвина в период Первой мировой и гражданской войн: жанр и концепция «творческого поведения» // Кризисные ситуации и жанровые стратегии: сборник научных трудов / Ред.-сост. В.В. Савелов, В.И. Тюпа, О.В. Федунина. М.: Эдитус, 2017. С. 141–153.

25. Кнорре Е.Ю. (Константинова) «Завеса бытия» в дневниках М.М. Пришвина 1916–1920-х гг. // Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием САД РАСХОДЯЩИХСЯ ТРОП Флоренский, Розанов, Дурыйлин et cetera... 5–6 мая 2017 г. С. 66–69.

26. Кнорре Е.Ю. (Константинова) Платоновский миф в дневниках М.М. Пришвина 1914–1941 гг. // 5-я Московская международная платоновская конференция. Материалы Международной научной конференции, Москва, Российский государственный гуманитарный университет. 21 сентября 2017 г. / Под. ред. И.А. Протопоповой. М.: ПФО; РГГУ; РХГА, 2017. 42 с.

27. Кнорре Е.Ю. (Константинова) Космизм и персонализм мыслителей-«китежан» 1920-х гг.: образ идеальной коммуны в творчестве М. Пришвина, А. Горского, Н. Сетницкого, А. Мейера // Московский Сократ. Николай Федорович Федоров. Сборник научных статей. М.: «Академический проект», 2018. С. 614–624.
28. Кнорре Е.Ю. (Константинова) Евангельский сюжет о возвращении блудного сына в дневниках М.М. Пришвина 1917–1920 гг. // Творческое наследие Михаила Пришвина в системе современного гуманитарного знания: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. 20–21 апреля 2018 г. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2018. 130–139.
29. Кнорре Е.Ю. (Константинова) «Бог есть существо лицеродящее и противузаконное»: концепция «истинной революции» в персонализме М. Пришвина // Поиск истины как аксиологическая парадигма гуманитарного знания: прошлое, настоящее, будущее. Материалы по итогам VII Иоанновских научных чтений: сборник статей. М.: «Летний сад», 2018. С. 192–198.
30. Кнорре Е.Ю. (Константинова) Религиозно-философский кружок А. Мейера «Воскресение». Концепция идеальной общины в философии и жизненной практике // Дружеский круг как начало соборности и солидарности в России. Материалы международной конференции. М.: Культурно-просветительский фонд «Преображение», 2019. С. 175–187.
31. Кнорре Е.Ю. (Константинова) М. Пришвин и С. Дурьлин: диалог о Невидимом граде в 1909–1913 гг. // Сад расходящихся троп – IV. Булгаков, Розанов, Флоренский, Дурьлин et cetera... Материалы международной научной конференции. Москва, 15–16 мая 2019 г.
32. Konstantinova E. The problem of creation of a new culture in Russian scholars' works during 1920–1930s (A. Meyer, A. Gorsky, N. Setnitsky, M. Prishvin) // Religion and Culture in Russian Thought. Philosophical, Theological and Literary Perspectives. The Pontifical University of John Paul II in Krakow, Krakow, 2014. С. 71–75.
33. Knorre E. The Ideal Ecclesia in philosophical searches of “those from Kitzh.” The philosophy of The Other in inheritance of A. Ukhtomsky, A. Meyer, M. Bakhtin, M. Prishvin // Overcoming the Secular. Russian Religious Philosophy and Post-Secularism. The Pontifical University of John Paul II in Krakow Press, Krakow 2015. С. 156–161.
34. Кнорре Е. Путь к невидимому граду. Утопические лейтмотивы в дневниках М.М. Пришвина 1914–1922 гг. // Истинность и ложность утопии. Вопросы утопических дискурсов. COLLOQUIA LITTERARIA SEDLCENSIA, T. XXIII / Red. tomu Ewa Kozak, Ludmiła Mnich, Siedlce 2016. P. 117–127.
35. Knorre E. “Utopia In Retrospection” In The Conception Of Russian National Politics. The Problem Of Patriotism And The Crimean War (1853–55) In Letters By Peter Chaadaev // Peter Chaadaev: Between The Love Of Fatherland And The Love Of Truth. Book Of Abstracts. International Conference Krakow Meetings 2016, June 5–8, 2016, Benedictine Abbey In Tyniec, Krakow, Poland. P. 30–31.
36. Knorre E. «A.S. Khomiakov's Ecclesiology in Religious and Philosophical Searches of the First Third of the XX th Century: the Concept of The Church-As-A-Community in the Christian Personalism of A. Meyer And M. Prishvin // Alexei Khomiakov: We Are Sobornost'. Book Of Abstracts. International Conference Krakow Meetings 2017. May 28–31, 2017 Benedictine Abbey in Tyniec Krakow, Poland. P. 33–34.
37. Кнорре Е. «Путь в Невидимый град: соловьевский и платоновский миф в дневниках М. Пришвина 1910–1930-х годов» // «Soloviev: The Metaphysics of Love» // Book of abstracts. June 2–5 2019, Benedictine Abbey in Tyniec, Krakow, Poland. P. 39.